

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.2>

Акульшин Петр Владимирович

[Этапирование осужденных войсками внутренней стражи в первой половине XIX в.](#)

Статья раскрывает проблематику организации служебной деятельности внутренней стражи - военно-полицейских сил Российской империи, существовавших в период с 1811 по 1864 гг., в контексте реформирования государственного аппарата Российской империи в первой половине XIX в. Особое внимание уделено функциям военнотружущих внутренней стражи, связанным с обеспечением режима в местах временного содержания партий осужденных и при их следовании этапным порядком. Автором раскрываются специфические аспекты взаимоотношений "конвоир - этапиремый" в дореформенную эпоху как своеобразного социального компромисса между усилиями властей по рационализации управления и традиционными нормами поведения населения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/3/2.html

Источник

[Манускрипт](#)

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 16-20. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/3/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Отечественная история

National History

УДК 94(47).072«1811/1864»

Дата поступления рукописи: 15.02.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.2>

Статья раскрывает проблематику организации служебной деятельности внутренней стражи – военно-полицейских сил Российской империи, существовавших в период с 1811 по 1864 гг., в контексте реформирования государственного аппарата Российской империи в первой половине XIX в. Особое внимание уделено функциям военнотружеников внутренней стражи, связанным с обеспечением режима в местах временного содержания партий осужденных и при их следовании этапным порядком. Автором раскрываются специфические аспекты взаимоотношений «конвой – этапиремый» в дореформенную эпоху как своеобразного социального компромисса между усилиями властей по рационализации управления и традиционными нормами поведения населения.

Ключевые слова и фразы: Российская империя; модернизация; правительственное реформаторство первой половины XIX в.; внутренняя стража; Отдельный корпус внутренней стражи; пенитенциарная система; тюрьма; ссылка; охрана заключенных; этапирование.

Акульшин Петр Владимирович, д.и.н.

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Рязанский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова

sstone2708@mail.ru

Этапирование осужденных войсками внутренней стражи в первой половине XIX в.

Внутренняя стража – существовавшее в дореформенной Российской империи военное формирование – традиционно изучается в отечественной историографии в рамках развития отечественной правоохранительной системы [3; 22; 31; 37].

Совокупность дореволюционных работ о деятельности внутренней стражи сводится преимущественно к разделам в справочной литературе, посвященной Военному министерству [9; 32]. Деятельность стражников находила отражение в справочниках преимущественно в статистических выкладках о штатах подразделений и выдержках из нормативных актов, глубокому анализу не подвергалась.

В рамках советской исторической науки специальных исследований, посвященных истории внутренней стражи, не осуществлялось, ее подразделения рассматривались как карательные инструменты монархического режима [2, с. 28].

С конца XIX в. начинается период повышения внимания к истории внутренней стражи, в частности, со стороны современных военно-полицейских сил, интерес которых обусловлен необходимостью формирования структурированного знания о развитии войск правопорядка, результатом чего стало издание ряда обширных трудов [6; 19].

Но этот вполне обоснованный «ведомственный» подход необходимо вписать в общий процесс модернизации страны в Новое время. Создание внутренней стражи было непосредственным образом связано с правительственным реформаторством эпохи правления Александра I. Реформаторские замыслы, которые вынашивали император и его соратники по «Негласному» комитету, после Тильзитского мира 1807 г. получили воплощение в плане государственных преобразований М. М. Сперанского. Возможные изменения в управлении ставили вопрос о новых способах поддержания правопорядка в стране. Значительное влияние оказывал и такой фактор, как необходимость преобразований в военной сфере, в связи с неизбежностью новой войны с империей Наполеона, которая к тому времени охватывала практически всю континентальную Европу. Представления императора Александра I о необходимости создания внутренней стражи изложил ее первый руководитель Е. Ф. Комаровский в своих воспоминаниях: монарх «сам объяснил выгоды сего учреждения, опорачивая прежнее постановление о губернских и уездных штатных командах тем, что они, будучи составлены из воинских нижних чинов, подчиняются статским чиновникам, как то: губернаторам и городничим, и что те нижние чины беспрепятственно употребляются в партикулярные работы вместо отправления

их служебных обязанностей; что в команды сии употребляются Сенатом с гражданскими чинами; что вообще в тех командах нижние чины имеют только звание солдат, а потому, чтобы сии команды, войдя в состав внутренней стражи, получили образование, соответствующее их предназначению: они должны зависеть от военного министерства» [15, с. 183; 16].

Актуальность исследования определяется необходимостью обобщения исторического опыта отечественных военно-полицейских сил в первой половине XIX в., аккумулировавшегося в условиях обострения внутренних и внешних вызовов государственной безопасности.

Научная новизна статьи заключается в рассмотрении бюрократических норм исполнения пенитенциарных функций и влияния сложившихся традиций на их практическую реализацию внутренней стражей. Авторским вкладом в изучение истории внутренних войск является определение специфических особенностей взаимоотношений служащих этапных команд внутренней стражи и осужденных при следовании этапным порядком.

Цель статьи – изучить и проанализировать процесс этапирования подразделениями внутренней стражи осужденных в первой половине XIX в. Достижение этой цели предполагает решение следующих исследовательских задач:

- выявить предпосылки изменений и проявления трансформаций пенитенциарной системы Российской империи в первой половине XIX в.;
- рассмотреть основные пенитенциарные функции внутренней стражи;
- определить специфику взаимоотношений конвоиров и сопровождаемых ими осужденных, складывавшихся в процессе этапирования.

Созданная в 1811 г. внутренняя стража, в 1816 г. преобразованная в Отдельный корпус внутренней стражи, состояла первоначально из восьми территориальных округов, включавших бригады, в которых входили батальоны внутренней стражи, расквартированные в губернских городах, и отдельные команды, существовавшие в уездных городах [20; 21]. К середине столетия в состав Отдельного корпуса внутренней стражи входило 12 округов, в которых состояло около 900 батальонов и команд общей численностью около 150 тыс. человек [10; 14].

Помимо вполне прагматических соображений, связанных с военно-политическими событиями кануна 1812 г., создание внутренней стражи имело еще один аспект, не связанный непосредственно с военно-полицейскими соображениями. Создание внутренней стражи, как это ни парадоксально звучит, было одним из проявлений принципиальных сдвигов в менталитете правящей элиты российского общества, которые обозначились к началу девятнадцатого столетия и стали преобладающими в эпоху преобразований императора Александра II. Представления века Просвещения о «естественных правах» людей порождали импульсы к распространению «филантропических» идей о защите тех, кто был лишен этих прав. Это касалось не только «мансипации» крепостных крестьян, но и тех, кто понес наказание по закону. В общеевропейском масштабе распространялись идеи Дж. Говарда и И. Бентама о необходимости создания государством необходимых предпосылок для нравственного исправления преступников путем реформы тюремного дела. Достижение этой цели предполагалось достигать организацией постоянного надзора за заключенными, размещением их по роду преступлений и обвинений, изолированием провинившихся, улучшением состояния тюрем и материально-бытовых условий заключения, организацией тюремных работ, воспитанием и обучением арестантов. Все это представляло собой отказ от традиционных норм, восходящих к средневековым порядкам, и замену их основанной на рациональных принципах бюрократической регламентацией, в том числе в деле охраны мест заключения [5; 26; 36].

Начиная с 1808 г. в Российской империи началась постройка специальных тюремных зданий – замков и острогов с раздельным размещением заключенных по роду их преступлений, которое позволяло упорядочивать содержание подследственных и осужденных. Этот процесс, растянувшийся на несколько десятилетий, заложил основу пенитенциарной инфраструктуры России. Многие тюремные сооружения, построенные в первые десятилетия XIX в., использовались по назначению длительное время [23].

Так, например, по предписанию генерал-губернатора пяти центральных губерний А. Д. Балашова, назначенного на эту должность императором в 1819 г. для подготовки их к будущим конституционным преобразованиям, в 1821 г. началось возведение Рязанского тюремного замка [1; 30]. В том же 1821 г. последовало его предписание о постройке каменных тюремных острогов и в уездных городах. В 1825 г. была учреждена тюрьма в уездном городе Скопине. В следующем 1826 г. новые тюремные замки появились еще в шести городах Рязанской губернии (в Зарайске, Михайлове, Спасске, Сапожке, Ряжске и Раненбурге) [35, с. 96-97]. Бывший Рязанский тюремный замок по сей день используется по прямому назначению в качестве Следственного изолятора № 1 УФСИН России по Рязанской области [34].

Реформирование тюремной системы требовало создания профессиональной охраны. Утвержденным в июле 1811 г. императором Александром I «Положением для внутренней стражи» среди прочих задач на вновь созданные войска было возложено выполнение «принятия и провожания преступников, арестантов и пленных» [24]. Они несли охрану внешнего периметра, следили за состоянием ограждений и стен, контролировали осуществление корреспонденции и передач. В их функции входили также охрана внутренних помещений и обеспечение дисциплины и порядка среди заключенных. Важным направлением деятельности являлось предупреждение побегов, в том числе изъятие орудий, с помощью которых могла быть осуществлена попытка побега или причинен ущерб здоровью окружающих, а также денежных средств у заключенных. Досмотр камер и личных вещей арестантов являлся основным механизмом предотвращения побегов. От чинов внутренней стражи требовалось внимательно надзирать за целостностью деревянных потолочных и напольных покрытий, извлечение которых позволяло относительно незаметно совершать отрыв земли или осуществлять поиск пути побега, имея доступ в расположенные выше помещения [27, д. 2, л. 16].

Делопроизводственные документы формирований внутренней стражи, отложившиеся большей частью в фондах Российского государственного военно-исторического архива, отражают многообразную картину повседневной жизни тюрем той эпохи, постоянного интеллектуального и психологического соревнования охранников и узников [27-29]. Так, командир Полтавского батальона внутренней стражи в донесении от 30 мая 1864 г. на имя окружного генерала 6-го округа Отдельного корпуса внутренней стражи генерал-лейтенанта П. Е. Неелова сообщал, что 15 мая 1864 г. унтер-офицером Константиноградской команды внутренней стражи Прохором Дураковым при обыске прибывших из г. Новомосковска 35 арестантов было найдено при них: шесть складных ножей, две английские пилки, два огнива с кремнями и 104 рубля серебром. Все указанные предметы были у арестантов отобраны, денежные средства были направлены начальником Константиноградской команды в казенном конверте по тракту их следования [29, д. 10, л. 16 – 16 об.]. Частым явлением было изъятие у заключенных значительных денежных сумм, утаенных при аресте. Так, 24 марта 1864 г. рядовой Переяславской команды внутренней стражи Иось Радкин во время несения караульной службы в Переяславском городском остроге, заметив, что арестант Федор Солдатенко около себя что-то прятал, доложил об этом караульному унтер-офицеру Петру Морозке, а унтер-офицер, в свою очередь, – смотрителю замка. При обыске у арестанта Солдатенко было обнаружено в поясе подштаников под пуговицей зашитыми 29 рублей 20 копеек серебром и кредитными билетами [Там же, л. 8 об.].

Помимо создания системы тюремных замков и острогов в губернских и уездных городах, в эпоху правления императора Александра I стала формироваться государственная системы этапирования заключенных, т.е. процесса перемещения их к местам исполнения наказаний. Ранее это было одной из земских повинностей, возлагаемых на податное население. На местном уровне эта практика существовала и в последующем, но отправку осужденных в Сибирь государство возложило на специальные подразделения.

В соответствии с «Положением о внутренней страже» от 3 июля 1811 г. и нормами «Устава о ссыльных» возлагалась обязанность по этапированию арестантов, вначале по европейской части территории империи, а в последующие годы и за Уралом. По официальным данным в период с 1812 г. по 1821 г. в ссылку было отправлено 39 761 чел., в следующем десятилетии – 91 709, а в 1832-1841 гг. – еще 78 823. Всего же с 1807 г. по 1881 г. Сибирь приняла 635 319 ссыльных [7; 13; 25].

Ответственность за выполнение служебной задачи недопущения побегов и благополучного прохождения партий осужденных по этапам, длительность переходов, особенности морального облика и поведения представителей конвоируемого контингента создавали повышенные физические и моральные нагрузки, многочисленные искушения служащим во внутренней страже. Так, например, 25 июля 1864 г. по прибытии с партией арестантов на Rogozovskiy этап жена одного из арестантов Шлейма Янкиевича Тетера пришла к тюремному замку, где содержался с прочими арестантами ее муж, и начала просить стоявшего на часах рядового Лариона Трекозу передать супругу принесенный хлеб. Рядовой Трекоза отказался выполнить просьбу жены арестанта и позвал ефрейтора [29, д. 10, л. 24 – 24 об.]. Когда хлеб у просительницы был изъят и разломан, в хлебной мякоти были обнаружены шило и медный черепок.

Но четко регламентированная служба внутренней стражи по охране и этапированию осужденных, как все усилия властей по рациональной организации управления, на практике корректировалась реалиями жизни, в которых традиция часто была сильнее канцелярских новаций. Организация постоянного контроля над этапными командами, следовавшими по протяженным трактам огромной страны, далеко от мест постоянного расквартирования подразделений внутренней стражи, превращалась в сложную задачу. В ходе тяжелых и длительных переходов между арестантами и конвоирами возникали сложные взаимоотношения, выходившие за рамки нормативно определенных требований.

Возникающие при организации этапирования трудности постоянно привлекали внимание корпусного командования. В фондах Российского государственного военно-исторического архива хранятся многочисленные свидетельства о систематическом оставлении офицерами, возглавляющими этапные команды, контроля над арестантами и конвоирами на попечение унтер-офицеров, отсутствии начальников команд при приемах партий осужденных на этапах, подсчете препровождаемых к местам исполнения наказаний, сверках списков осужденных с фактическим наличием [12; 27, д. 2, л. 16].

Типичным было стремление конвоиров дополнить скудное жалование получением мзды от осужденных. На протяжении всего дореформенного времени основной продовольственного и материального обеспечения следовавших по трактам Российской империи осужденных являлись их собственные запасы и собранные в процессе движения этапов подаяния. Первые попытки нормативного закрепления обеспечения заключенных были предприняты только в 1819 г. с учреждением «Попечительного о тюрьмах общества». Хотя это не внесло принципиальных изменений в многовековую традицию сбора милостыни заключенными, часть которой доставалась и конвоирам. Отсутствие регламентации и казенной организации обеспечения ставило не только осужденных в зависимость от личностных качеств конвоя, но и создавало возможность для их неформального сотрудничества. Распространенным явлением были принятия решений, например, об относительно «незначительном» отклонении от маршрута в случае перспективы сбора большего объема денежных и материальных подаяний в ближайших населенных пунктах. Обоюдный материальный интерес определял договоренность о цене нарушения конвоиром служебной дисциплины. Особенно предприимчивые служащие этапных команд для извлечения материальной выгоды из своего положения не ограничивались получением доли от подаяний, а позволяли нанимать подводы для арестантов и осуществляли продажу им водки [33, с. 242].

С официальной точки зрения эти типичные картины жизни тюремных этапов пореформенной эпохи являлись воинскими преступлениями, но эта система, основанная на патриархальных нравах и традициях, действовала без крупных сбоев, обеспечивая выполнение карательных функций государства в дореформенную эпоху.

Арестованный в 1865 г., когда еще в провинции действовала дореформенная система этапирования, сибирский «областник» Н. М. Ядрищев так описывал свой тюремный «травелог»: «С десяток человек нас отдали под конвоем трех инвалидов; это была обыкновенная инвалидная команда, имеющая самый жалкий вид. Обдерганные шинели, оборванные лацканы, худенькие бракованные, скользкие с бедра португали, старые дребезжащие ружья, все это крайне убого. Но и эта команда казалась нам грозной: ружья были заряжены; солдаты бодрелись перед начальством, а их испитые, изношенные лица старались хмуриться. Послышалось: “Задние, заряди ружья! Марш!” – и мы потащились по пыльному городу... В этих кривых, кособоких, удрученных старостью и крепкими напитками воинах часто встречали неподдельное участие и искреннее человеческое чувство. И неужели эти люди кого-нибудь могут удержать? Ведь теперь мы можем бежать: мы почти свободны – думалось мне. Но тут снова мелькнули на дороге смеющиеся нюхающие табак старцы-конвоиры, и я подумал: да справедливо ли платить за снисхождение изменой?» [Там же, с. 239]. В основе такой патриархальной модели взаимоотношений охраняемых и охраняющих лежало оказание сторонами взаимных уступок. «Послабления» в организации порядка этапирования становились мотивацией для ответной реакции, состоящей в снижении агрессивности в поведении осужденных и снижении их стремлений к побегам и сопротивлению требованиям конвоиров. Смягчение формальных требований часто имело опасный и даже преступный характер, выразившийся, прежде всего, в потреблении осужденными спиртного и их свободном перемещении по населенным пунктам по пути следования. Итогом таких тюремных «анабасисов», далеких от официальных представлений властей о целях и задачах пенитенциарной системы, основанных на рациональных общеевропейских доктринах, становились бродяжничество, побеги и рецидивная преступность беглых. По официальным данным, из 159 755 ссыльных, проследовавших через Тобольский приказ по Сибирскому тракту за 1827-1846 гг., 18 326 являлись беглыми ссыльными, пойманными и вторично отправленными в Сибирь [8, с. 9].

Процесс модернизации неизбежно сопровождался ростом девиантного поведения среди поданных Российской империи и порождал необходимость ускорения модернизации правоохранительных структур. Упомянутый Н. М. Ядрищев в своем воспоминании указывает на то, что тип конвоира, осуществляющего свою служебную обязанность, опираясь в основном на доверие сопровождаемому контингенту, изживал себя: «...это были отживающие “могикане”, и на следующих этапах мы встретили уже новых...» [33, с. 240]. В 1864 г., в ходе реформирования вооруженных сил, внутренняя стража была упразднена, а ее функции и личный состав были переданы вновь учрежденным местным войскам [38].

Функция исполнения наказаний является одним из направлений деятельности государства, обеспечивающих стабильность его существования и развития. Трансформация пенитенциарной системы, выразившаяся, в частности, в изменениях в организации этапирования и в развитии специальной инфраструктуры в Российской империи в первой половине XIX в., была определена как объективными вызовами государственной безопасности, в частности наполеоновским вторжением, так и ориентированностью элит на преобразование в части обеспечения прав заключенных.

Реализация этапными командами внутренней стражи задач по сопровождению осужденных и охране объектов пенитенциарной инфраструктуры является важным этапом накопления опыта предупреждения побегов осужденных, обеспечения дисциплины при следовании этапным порядком и содержании в тюремных замках и острогах.

Высокие физические и моральные нагрузки, испытываемые конвоирами при осуществлении этапирования, недостаточность их материального обеспечения, невозможность осуществления системного контроля их следования по трактам ввиду удаленности от мест дислокации подразделений в совокупности со сложившимися традициями во взаимоотношениях конвоира и арестанта являлись почвой для нарушения стражниками установленных норм этапирования.

Список источников

1. Акульшин П. В. Генерал-губернатор А. Д. Балашов // Отечественная история. 2004. № 2. С. 170-180.
2. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1973. 622 с.
3. Генерал от инфантерии Е. Ф. Комаровский – первый командир Отдельного корпуса внутренней стражи России: сборник трудов Межвузовской научно-практической конференции / под общ. ред. В. Ф. Купавского. Пермь: Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. 568 с.
4. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5-ти т. М.: Госюриздат, 1951. Т. 2. 548 с.
5. Голикова О. А. Влияние идей И. Бентама и Дж. Говарда на формирование европейской и отечественной пенитенциарной системы // Вестник Кузбасского института ФСИН. 2016. № 3. С. 124-129.
6. 200 лет на страже тишины и спокойствия: краткая иллюстрированная история внутренних войск МВД России / авт.-сост. Н. Г. Сысоев. М.: Журнал «На боевом посту», 2011. 160 с.
7. Иванов А. А. Законодательство о ссылке и его применение в Сибири во второй половине XIX века [Электронный ресурс]. URL: http://penpolit.ru/papers/detail2.php?ELEMENT_ID=1130 (дата обращения: 10.03.2020).
8. Иванов А. А. «...Слышен звон кандалный» // Гуманитарный вектор. Серия «История, политология». 2014. № 3 (39). С. 6-14.
9. Карманная справочная книжка для русских офицеров / сост. трудами ген.-майора Карцова, полк. Платова, Руттенберга [и пр.]; под общ. ред. ген.-майора Милютин. Изд-е 2-е, испр. под наблюдением ген.-майора Карцова. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1857. 992 с.
10. Колпаков П. А. Внутренняя стража и Отдельный корпус внутренней стражи в 1811-1863 гг.: эволюция организационной структуры военно-полицейских формирований Российской империи // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 206-218.
11. Колпаков П. А. Дисциплинарные и правовые нарушения военнослужащих внутренней стражи Российской империи в XIX в. (по материалам из фондов РГВИА) // В мире научных открытий. 2015. № 3-6 (63). С. 2674-2689.

12. Колпаков П. А. Повседневная служебная деятельность офицера внутренней стражи Российской империи в середине XIX в. // Научный диалог. 2017. № 11. С. 369-380.
13. Колпаков П. А. «Сибирское учреждение» М. М. Сперанского как юридический источник по истории Отдельного корпуса внутренней стражи // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 2-3 (26). С. 28-36.
14. Колпаков П. А. Становление внутренней стражи Российской империи 1811-1816 гг.: историко-правовой аспект // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (60). Ч. 3. С. 95-99.
15. Комаровский Е. Ф. Записки. СПб.: Огни, 1914. 279 с.
16. Коршев А. Р. Войска внутренней стражи Российской империи 1811-1815 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2000. 18 с.
17. Малинников М. В. Общественное мнение России о государственной деятельности Е. Ф. Комаровского (первая половина XIX в.) // Клио. 2012. № 5 (65). С. 106-108.
18. Малинников М. В. Первый командир Отдельного корпуса внутренней стражи генерал-адъютант граф Е. Ф. Комаровский // Клио. 2012. № 2 (62). С. 117-120.
19. Новожилов В. Ю. История внутренних войск МВД России: военно-исторический труд: в 5-ти т. М.: Журнал «На боевом посту», 2016. Т. 1. 407 с.
20. О передаче губернских рот и штатных команд из гражданского в военное ведомство: Именной Высочайший указ, данный Сенату, от 16 января 1811 года // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Собрание 1. Т. 31. № 24486.
21. Об устройстве инвалидов рот и команд и составлении из них подвижных инвалидов рот и служащих инвалидов команд: Именной Высочайший указ, данный Сенату, от 27 марта 1811 г. // ПСЗРИ. СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Собрание 1. Т. 31. № 24568.
22. От внутренней стражи Российской империи к войскам национальной гвардии Российской Федерации: межвузовская научно-практическая конференция с международным участием. Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2019. 128 с.
23. Пирогов П. П. Тюремная система Российской империи и ее кадровое обеспечение в XIX – начале XX в.: автореф. дисс. ... к.ю.н. / Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб., 2000. 25 с.
24. Положение для внутренней стражи: Императорский Указ от 3 июля 1811 г. // ПСЗРИ. СПб.: Типография Второго Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Собрание 1. Т. 31. № 24704.
25. Пономарев П. А. Роль Устава о ссыльных и Устава об этапах в сибирских губерниях в организационном построении и деятельности войск внутренней стражи Российской империи в Восточной Сибири // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования: сборник статей V Международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2019. Ч. 1. С. 92-95.
26. Пыпин А. Н. Русские отношения Бенгата // Пыпин А. Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I: в 3-х т. / пред. и прим. Н. К. Пиксанова. Пг.: Огни, 1917. Т. 2. С. 1-102.
27. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 669. Оп. 1.
28. РГВИА. Ф. 14594. Оп. 1.
29. РГВИА. Ф. 15166. Оп. 1.
30. Скрыдлов А. Ю. На службе России: Александр Дмитриевич Балашев. 1770-1837. СПб.: ИД «Петрополис», 2016. 264 с.
31. Смирнов В. И. Внутренние войска в механизме Российского государства XVIII-XIX вв. (историко-правовое исследование): автореф. дисс. ... к.ю.н. / Московский университет МВД России. М., 2008. 27 с.
32. Справочная солдатская книжка: в 2-х ч. / составлена под ред. ген.-майора Леонтьева. СПб.: Тип. Н. Тиблена и К°, 1862-1863. Ч. 1. 373 с.
33. Столетие Военного министерства (1802-1902): в 13-ти т. / под ред. ген. от кавалерии Д. А. Скалона. СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1911. Т. 12. Кн. 3. Военно-тюремные учреждения. 588 с.
34. Структурные подразделения УФСИН России по Рязанской области [Электронный ресурс]. URL: http://62.fsin.ru/strukturye_podrazdeleniya_ufsin_rossii_po_ryazanskoj_oblasti/sizo1.php (дата обращения: 26.01.2011).
35. Тарасов О. А., Васильева С. А. Становление и развитие тюремных учреждений и структур Рязанского края: историко-документальные очерки: в 2-х ч. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний России, 2010. Часть I. XII – первая половина XIX в. 217 с.
36. Философский век: альманах / отв. ред.: Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1999. Вып. 9. Наука о морали: Дж. Бенгам и Россия. 366 с.
37. Фомин О. Е. Корпус внутренней стражи в правоохранительной системе Российской империи, 1811-1864 гг.: автореф. дисс. ... к.ю.н. / Юридический институт МВД России. М., 1999. 21 с.
38. Шелестинский Д. Г. Организационно-правовые основы становления и развития конвойной стражи России 1864-1917 гг. (историко-правовое исследование): автореф. дисс. ... к.ю.н. / Московский университет МВД России. М., 2006. 24 с.

Interior Guard Escort of Prisoners in the First Half of the XIX Century

Akul'shin Petr Vladimirovich, Doctor in History
 Ryazan State University named after S. A. Esenin
 Ryazan State Medical University named after academician I. P. Pavlov
 sstone2708@mail.ru

The article considers the problem of organizing the activity of the Interior Guard – military police forces of the Russian Empire of 1811-1864 – in the context of reformation of the Russian state apparatus in the first half of the XIX century. Special attention is paid to the Interior Guard functions, which involved security administration in temporary detention centers and security escort. The author reveals specificity of “guard – prisoner” relations in the pre-reform epoch as a kind of social compromise between the authorities’ efforts to rationalize administration and accepted norms of social behaviour.

Key words and phrases: The Russian Empire; modernization; governmental reforms of the first half of the XIX century; Interior Guard; Special Corps of Interior Guard; penitentiary system; prison; exile; guarding prisoners; escorting prisoners.